

ПРАГМАЛИНГВИСТИКА: В ПОИСКАХ СИНТЕЗА

УДК 003; 007.51; 81-13

ПРАГМАТИКА СЕМИОЗИСА И ОЯЗЫКОВЛЕНИЯ

М. В. Ильин

Центр междисциплинарных исследований Института научной информации
по общественным наукам РАН,
Россия, 117418, Москва, Нахимовский проспект, 51/21
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
Поступила в редакцию 30.04.2025 г.
Принята к публикации 16.05.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-1

Предложена герменевтическая интерпретация попытки гётевского Фауста толковать смысл евангельского слова λόγος, первых трех стихов Евангелия от Иоанна, а также первых трех стихов книги Бытия. Анализ герменевтических построений позволяет соотнести их, а также само явление генезиса с авторской моделью рекурсии с инверсивным переключением. Следующим шагом становится использование данной модели для трактовки и понимания прагматического момента как действующего начала смыслообразования и общения. Радикальное расширение прагматики выводит ее за пределы собственно семиотики и позволяет трактовать как буквально безграничную сферу человеческих действий или даже шире – вселенской агентивности (agency). В этом своем качестве расширяющаяся сфера действенного смыслообразования уже несводима более к практикам и аналитическим правилам работы с дискретными знаками. Требуется их методологическое и терминологическое различение. Соответственно, изучение расширенного семиозиса становится делом складывающейся семиотики, а принципов и правил соединения дискретных знаков в законченные высказывания – уже привычных семиотик. Сходная потребность назрела в нынешней лингвистике. Она заключается в том, чтобы различать расширенное использование языковых способностей для прагматически мотивированного общения или оязыкования (languageing), с одной стороны, и суженные традиционные схемы построения текстов и высказываний на основе нормативных словарей и формальных грамматик – с другой. Статья содержит очерк основных подходов к изучению оязыкования и формирования соответствующих научных традиций.

Ключевые слова: слово, λόγος, verbum, дело, πράγμα, āctus, действующие силы, agency, прагматика, семиотика, семиотика, знаковые системы, возможности общения, оязыкование, переязыкование

В статье продолжено обсуждение темы о соотношении различных трактовок семиотики в лингвистике и других научных дисциплинах, начатое в журнале «Слово.ру: балтийский акцент» (Циммерлинг 2023;

Ильин 2023; Золян 2023; Чебанов 2023; Циммерлинг 2024). Предлагается пойти дальше привычного разграничения различных семиотик — обратиться к расширенному пониманию прагматики и связать его с разными порядками смысло- и речеобразования, которые создают новые пространства и практики. Среди последних одно из наиболее многообещающих начинаний — *оязыковление* (languageing). Однако главным действующим лицом станет *прагматика* (pragmatiká) — всеобщее начало всякого дела и его конец, действенное завершение.

Начать рассуждения о прагматике уместно с обращения к двум прецедентным текстам — фрагменту гётевского «Фауста», где описана попытка главного героя толковать смысл евангельского слова *lóγος*, и первым трем стихам Евангелия от Иоанна. Для статьи в журнале «Слово...» это кажется вполне уместным. Более того, такой ход позволяет не только герменевтически толковать многочисленные смыслы слова *lóγος*, но еще и сопрячь по крайней мере три важные разновидности контекстов — лингвистическую, семиотическую и прагматическую.

1. Логос: герменевтическое толкование ключевого слова

Начнем с сугубо «прагматической» трактовки Логоса гётевским Фаустом («Фауст», строки 1225–1238; ниже цитируется перевод Б.Л. Пастернака). Тот испытывает разные способы перевода первого стиха Евангелия от Иоанна:

Geschrieben steht: "Im Anfang war das Wort!" Hier stock ich schon! Wer hilft mir weiter fort? Ich kann das Wort so hoch unmöglich schätzen, Ich muß es anders übersetzen, Wenn ich vom Geiste recht erleuchtet bin. Geschrieben steht: Im Anfang war der <i>Sinn</i> . Bedenke wohl die erste Zeile, Daß deine Feder sich nicht übereile! Ist es der <i>Sinn</i> , der alles wirkt und schafft? Es sollte stehn: Im Anfang war die <i>Kraft</i> ! Doch, auch indem ich dieses niederschreibe, Schon warnt mich was, daß ich dabei nicht bleibe. Mir hilft der Geist! Auf einmal seh ich Rat Und schreibe getrost: Im Anfang war die <i>Tat</i> !	«В начале было Слово». С первых строк Загадка. Так ли понял я намек? Ведь я так высоко не ставлю слова, Чтоб думать, что оно всему основа. «В начале мысль была». Вот перевод. Он ближе этот стих передает. Подумаю, однако, чтобы сразу Не погубить работы первой фразой. Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть? «Была в начале сила». Вот в чем суть. Но после небольшого колебания Я отклоняю это толкованье. Я был опять, как вижу, с толку сбит: «В начале было дело», — стих гласит.
---	--

Весьма показателен ряд эквивалентов Логоса. Первым появляется традиционный вариант *слово* (das Wort). Далее языковой акцент сдвигается на мыслительный — *смысл* (der Sinn). Тем самым к языковой способности добавляется когнитивная. Неудивительно, что следующий шаг сопряжен уже с многозначным немецким словом *die Kraft*, где значения мощи дополняются семантикой способностей, умений и общего потенциала. Это уже кумулятивное приближение к совокупному потенциалу действия. Завершает же весь ряд реализация накопленных возможностей — само прагматическое дело, практическое деяние (*die Tat*).

Рискну посостязаться с Фаустом и предложить свой перевод не только отдельных слов, но всего первого стиха Евангелия от Иоанна. Он состоит из трех синтагм, каждая из которых является как будто бы самостоятельным утверждением, отдельной фразой.

Первая синтагма или высказывание — *Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος* — представляется простой и ясной. Она открывается устойчивым словосочетанием с наречным функционалом как отправной основой для следующего за ним предиката *ἦν* — *был* (третье лицо имперфекта базового глагола существования *εἶμι*). Завершается синтагма-фраза подлежащим *ὁ λόγος* в именительном падеже. *В начале было слово.*

Вторая синтагма-утверждение открывается союзом *и* (*καὶ*), за которым сразу повторяется уже известное подлежащее *ὁ λόγος* с тем же предикатом, но уточненным уже не наречно (как? — в начале, исходно), а с помощью дополнения *πρὸς τὸν θεόν* в винительном падеже (восприимчик действия) с управляющим предлогом *πρὸς* (к, в сторону) для прояснения направления действия, обращенного к Богу. *И слово было к Богу.*

Третье заявление вновь открывается союзом *и* (*καὶ*), что подчеркивает статус это синтагмы как еще одной, уже третьей версии основного утверждения. Однако оно сформулировано на новый лад. Сначала идет существительное «Бог» в номинативе, затем подлежащее в том же имперфекте третьего лица, за которым ожидается прямое дополнение в винительном падеже, например *ὁ λόγον*. Однако дополнение, вопреки грамматической логике, оборачивается еще одним подлежащим в именительном падеже — *ὁ λόγος*. То ли Бог был словом, то ли слово было Богом, то ли нечто было то Богом, то словом. Фактически получается мифологическое взаимное отождествление Бога и слова: *θεὸς ἦν ὁ λόγος* — *Бог был(о) слово*. Можно даже попытаться перефразировать по-русски: *Бог и слово были друг другом*.

Семиотически и лингвистически все это вкупе можно воспринимать и понимать как большой одновременно коммуникативный и перформативный акт, складывающийся из отдельных шагов по формуле рекурсии с инверсивным переключением: шаг перформативного вступления «в начало» (*ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος*), затем отклоняющийся по некоей еще неясной траектории шаг уточнения принадлежности (грамматически дательной «передаче», но имплицитно также родительности) — *ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν*.

Иоанн — лишь пророк действительного протагониста перформативного высказывания. Последний именуется Логосом, Богом и характеризуется как тот, кто создавал все, и без кого не создано ничего, что не могло быть создано. Провозглашение самосвершающегося предложения создателя и перводвигателя всего строится не в констативной грамматике текста, а перформативном формате смыслообразования. В устах Иоанна слово самого Логоса и всех его ипостасей нельзя редуцировать к чисто грамматическому обозначению тождества между одним именем существительным и другим. Фактически происходит нечто иное — раскрытие прагматической диспозиции в ее динамике и в постепенном усложнении.

Три утверждения первого стиха — это три такта целостного смыслообразования, самодостаточного акта семиозиса до, через и в охвате отдельных слов или знаков. В пирсовских терминах эти такты напоминают первичность и иконы (чистое наличие — *ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος*), затем вторичность и индексы (функциональной связи — *ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν*) и наконец третичность и символы (бесконечного, всеохватывающего и умножения смыслов — *θεὸς ἦν ὁ λόγος*). Тем самым возникает самоподкрепляющаяся прагматическая рекурсия. Она сначала предстает пока зыбкой протограмматической прагматикой, которую дальше уточняет семантика, потом закрепляет синтактика, и наконец вновь и уже отчетливо обобщает уже новая гиперграмматическая прагматика.

Нечто подобное повторяется и дальше. Совокупно три синтагмы образуют аналогичную триадическую конструкцию. Первые два стиха традиционного членения Евангелия от Иоанна образуют строфы из трех строк (синтагм) каждая:

Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος,
καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν,
καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος.

Οὗτος ἦν ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν θεόν,
πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο,
καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἓν ὃ γέγονεν.

В евангельском тексте прагматическую развертку вселенского сотворения образуют три творящие начала, обозначенные как *ὁ λόγος*, *ὁ θεός* и указательное местоимение *οὗτος*. За счет Иоаннова благовествования мы также оказываемся сопричастны общей прагматической развертке происходящего от века и извечно. Благовествование открывается нашему пониманию и всем возможным интерпретациям. Вот первый способ услышать слово (= Логос) в его персонификации как деятеля (в функции *подлежащего*):

В начале было слово-логос,
и слово было к Богу,
и были Бог и слово друг другом.

Этот же (субъект — *οὗτος*) был с начала тому Богу,
все через (предлог генетива *δι'*) него самого (*αὐτοῦ*) создано,
и помимо (*χωρὶς*) него самого не создано ничего, что ни создано.

А вот и второй способ услышать слово (= исполненное Иоанном речение). Тут акцент с подлежащего переносится на предикат, то есть на само действие. Казалось бы, перед нами все то же повествование, но только в его процессуально развернутой действенной (и перформативной, и прагматической) *сказуемости*:

В начале было речение-творение,
и речение было к Богу,
Бог и речение-творение были друг другом.

Это же (речение) было с начала у того Бога,
все через него самого создано,
и без него самого не создано ничего, что ни создано.

Замысел и промысел (*purport* по Ельмслеву) евангельского текста состоит в еще не разделенном единстве творца (деятеля) и его деяния (творения). В первой строфе намечена прагматическая развертка трех движущих моментов всеобщего самосотворения. Во второй — прагматика вновь развертывается посредством трех актов смыслообразования: от исходной констатации через установление связи к закольцовыванию всей строфы в бесконечном апофатическом умножении символизации.

Важно, что обе строфы явлены в своем трехтактном развертывании и в образовании самовоспроизводящегося и самоуглубляющегося герменевтического круга. В нем буквально раскрывается всеобщее самотворение, или генезис. Анализ трех фраз стиха позволяет соотнести словесное сложение стиха и само явление генезиса с авторской моделью рекурсии с инверсивным переключением.

2. Действенная прагматика дел

Предыдущий экскурс к начальным строкам Евангелия от Иоанна вовсе не претендует на толкование сакрального текста. Он предназначен для лучшего понимания не столько остающегося таинственным *Логоса*, сколько того, что может быть названо *прагматическим моментом*.

Под прагматическим же моментом, или, иначе, действенным импульсом, понимается некое сохраняющееся и усиливающееся (ср. лат. *momentum*) за счет закольцовывания (ср. евангельские повторы-возвращения) воздействие (πρᾶγμα, *impulsum*, *импульс*) или просто усиливающееся действие.

Обратимся теперь к исходным греческим словам *πρᾶγμα* (дело, действие, дела, занятия и т. п.), *πραγματικά* (прилагательное среднего рода во множественном числе 'деловые' и, переносно, 'совокупность деяний или сфера деятельности'), *πραγματεία* ('обобщенные дела, занятия и даже магические воздействия').

Существительное *πρᾶγμα*, глагол *πράσσω* и уже упомянутые слова *πραγματικά* и *πραγματεία* возводятся к индоевропейскому этиму **per-*, смысл которого связан с движением. В русском и других славянских языках этот этимон существенно не проявлен, а представлен периферийно, например в словах *пар* и *паром*. Однако у славян да и в целом во всей индоевропейской традиции получил развитие сходный по смыслу этимон **d^heh₁-*, который самым непосредственным образом связан с действиями и деяниями. Данный этимон может предполагать также локализацию действия и размещение сделанного (ср. предполагаемую глаголом *деть* локализацию — «деть куда-то»). Соответственно, у нас базовый глагольный корень *de* так и звучит почти без изменений, как индоевропейский **d^heh₁-*. От него образованы слова *деть*, а также *вдеть*, *одеть*, *раздеть*, *здеть*, *продеть* и т. п. Однако есть и парный глагол *de-*

лать. Тут к исходной основе добавлено еще индоевропейское оформление $*d^heh_1-l$, что в русском дало базовый и крайне продуктивный глагол *делать* и его производные.

Как уже отмечалось, происходит радикальное расширение прагматики и включение в ее сферу не только собственно человеческих действий и деятельности, но также биологической и всеобщей агентивности (*agency*). Тем самым обновляющаяся понятийная и вербальная номенклатура опирается не только на традиционные греческие ресурсы, включающие *прагматику, практику, прагматичность / практичность, праксис* и прочие слова и термины этого ряда. Используется также латинская номенклатура, включающая слова *акт, агент, актор, активность* и т. п. Наши русские слова из синонимического запаса поддержки традиционной греко-латинской научной номенклатуры начинают утверждаться в научных дискурсах как важные альтернативные возможности концептуализации новых для современной науки сторон человеческой деятельности и даже действенности процессов всеобщего развития.

Для получения всестороннего представления о прагматике и прагматичности следует в полной мере учесть подсказку русских слов *деятельность, действенность* и *дельность*. Заслуживают более гибкого и широкого использования существительные *дело, действие* и *деяние*, а в еще большей мере — очевидно недоиспользованные и практически не терминологизированные глаголы *деять, деть* и *делать*.

Это тем более уместно, так как любой субъект общения возникает из связывания отдельных действий, дел и деяний. Они суть проявления и результаты обобщенных возможностей (способностей, условий и т. п.) *деять* и *делать*. В английском языке и научных дискурсах для их обозначения используется обобщенный термин *agency*. Его русский вариант можно было бы назвать порождающим, или начальным, *действованием*, а его принцип — *действенностью*.

Любое дело, например приготовление пищи, обустройство жилища, написание стихов или резьба по дереву, — это одновременно и инструкция, и память. Конечно, можно выявить и реконструировать память без инструкции, а можно таким же образом получить инструкцию без памяти. Однако каждая из них в отдельности будет лишь какой-то стороной деятельности или деяния. Даже алгоритм, то есть инструкция по поводу порядка и характера каждой операции, отнюдь не равнозначен делу в его полноте и целостности, а служит лишь его инструментальной стороной. Дело возникает, когда алгоритм вместе с памятью, а также с ощущением нехватки и стремлением восполнить ее встраивается в жизнь некоего существа или даже в функционирование сложной молекулы, сложенной (*folded*) таким образом, что появляются новые собственные конфигурации и возможности себя воспринимать и контролировать. Тогда такие существа или даже свернутые (*folded*) в себе и на себя молекулы смогут стремиться восполнить нехватку, выбирать необходимое для этого, а также наличные в памяти и алгоритмах образцы. Вот тогда появится, проявится и осуществится способность к

действию — *agency*, агентность и агентивность или действие и ответственность того, что будет происходить в ходе запущенных таким образом процессов (Ильин 2023).

Прагматический генезис общения и смыслообразования мог бы решительнее и порой удачнее концептуализироваться наряду с использованием привычной семиотической номенклатуры также с помощью слов *деятельность* и *говорение*, *дело*, *прагма* и *говор*, *прагматика* и *фатика* (от греч. *φᾱτός* — произносимый), включая фатическое общение (*phatic communion*) и соответствующую функцию.

С учетом того, что прагматика предполагает действие, а значит, и темпоральную развертку, требуется отразить эту сторону в концептуальном и терминологическом аппарате. Одна из возможностей заключается в более активном использовании глагольных форм, например причастий, деепричастий и инфинитивов или на крайний случай отглагольных существительных, чему могла бы способствовать разработка эпигенетической концепции прагматики. По аналогии с биологической и геологической эпигенетикой, а также расширенным эволюционным синтезом (*evo-devo*) она могла бы включать исходный морфогенез и последующее развитие прагматических явлений и прагматики в целом. Подобная концепция могла бы встроиться в развитие уже имеющих в науке представлений о семиотической прагматике. Исходным моментом эпигенетической концепции мог бы быть морфогенез протосемиозиса еще без семиотики, но уже с протопрагматикой. В ходе развития в подобное неполное, «эмбриональное» образование постепенно встраиваются семантика и синтактика. Они делают насыщаемую прагматику содержательно нагруженной. Целостность же развития достигается за счет того, что новая, уже завершающаяся гиперпрагматика закольцовывает семиозис и придает ему полноту.

Что касается крайне слабо изученной исходной протопрагматики, то эмпирической базой ее исследования могли бы стать примеры тоски по общению, формирования мотиваций к общению, того, как «песня зреет». Особенно интересны в этом отношении побудительные реплики, например холофрастические гипероптативные высказывания, предполагающие помимо смутного оптатива еще и зародышевые императивы, перформативы и т. п.

Как бы то ни было, новые научные подходы к прагматике выводят ее за пределы собственной семиотики и расширительно трактуют ее одновременно и как буквально безграничную сферу человеческих действий, и как новую междисциплинарную область изучения подобного рода явлений.

3. Оязыковление

Многие коллеги сокрушаются, что в нынешней лингвистике начинает ощущаться если и не тень застоя, то подобие нехватки новых начинаний и подходов. Интересных публикаций и идей немало, но

они вполне вписываются в устоявшиеся берега испытанных доктрин и неспешно движутся вдоль них. Подобные суждения небеспочвенны, но у меня несколько иное восприятие ситуации. За тишиной академической рутины то тут, то там слышатся весьма непривычные речи, которые, может быть, не бросают ей вызов, но очерчивают поверх нее новые предметные области и методологические новации. В этом отношении весьма показательны попытки все более широкого круга коллег выделять оязыковление (*languageing*) как то, что всегда находилось фактически в центре лингвистических исследований, но не распознавалось как их действительное ядро. Более того, некоторые из наиболее активных исследователей оязыковления обращаются к фундаментальным проблемам и пытаются расширить и углубить как саму языковую и коммуникационную сферу языка, так и ее онтологию вкупе с методологией и способами ее концептуализации и моделирования. Сошлюсь лишь на недавние публикации о *Языке с большой буквы* (*Language with capital L*) (Demuro, Gurney 2021; Cowley 2024).

Впрочем, об этих новациях речь пойдет далее особо, а пока было бы уместно кратко охарактеризовать оязыковление. Это сравнительно новое направление в лингвистике, которое проблематизирует наивные, но общепринятые представления о цельном, завершенном и даже совершенном языке с его нормативными словарями и грамматиками, неизблемыми правилами произношения и правописания, пунктуации и стиля. Представители этого направления делают предметом своего изучения феномен, который они также называют оязыковлением. Он связан с фактическим осуществлением того, что мы привычно считаем языком, со всем тем, что порождает пусть несовершенные, но вполне достаточные способы совместных вербальных взаимодействий людей. При всей неполноте и неокончателности эти способы куда точнее и целостнее представляют практику вербального общения людей, чем заведомо идеализированные схемы, правила и нормы школьного языка, отдельно взятые речевые практики, словари и грамматики, а главное — противостоящие друг другу и уже утрачивающие свежесть языковедческие доктрины и учения.

Отправным моментом является связь процессов оязыковления с языковым самоосуществлением, а значит, и с коренным феноменом лингвистики. Существуют четыре сферы, где это проявляется наиболее мощно: усвоение языковых способностей младенцами и овладение родным языком, научение детей и взрослых иностранному языку, перевод с языка на язык и, наконец, глоттогенез, возникновение общих языковых способностей человеческого рода, а также отдельных языков и языковых семей.

Все эти четыре основных потока научного творчества, их ответвления и параллельные усилия, казалось бы, не выходят за рамки традиционной лингвистики. Каждый из них в той или иной форме развивается уже давно и вполне вписывается в привычные рамки языкознания. Да и нынешние новации так или иначе вполне приспособляемы к тому, чему учат в школах и университетах. Однако на практике оязыков-

лением наряду с лингвистами занимаются специалисты самых различных профилей. Так, в первое направление наряду с лингвистами вовлечены также психологи и даже нейрофизиологи. Но в последнее время и лингвисты, и психологи столкнулись с множеством проблем, которые требуют междисциплинарного объединения усилий. Ему помогают все более популярные концепции распределенного языка (*distributed language*) и распределенного сознания (*distributed consciousness*).

В традиционной лингвистике прямо противоположный поход — вынести за скобки все избыточное и оставить системные принципы и закономерности языка в самом узком и строгом его понимании. Фердинанд де Соссюр, признававший, что язык — социальный и психологический феномен, все же выделил узкий предмет лингвистического изучения — структурируемую за счет бинарных оппозиций или различий систему правил и алгоритмов для речевой коммуникации; ее он и назвал языком¹ (*langue*).

Приверженцы противоположного расширительного и распределительного подхода, например эколингвисты или исследователи оязыкования, считают подобную редукцию обманчивой и разрушительной. Они констатируют, что в этом случае целостные феномены общения подменяются некими абстрактными схемами. Подобные схемы могут быть полезным инструментом, но только для самих лингвистов. Действительное общение во всей его полноте к ним принципиально нередуцируемо. У каждого отдельного общающегося своя незаконченная и противоречивая версия того, что соссюрианцы называют *langue*. На деле приходится иметь дело с некими зыбкими эпизодами практического поиска взаимного понимания друг друга людьми с собственными версиями правил и алгоритмов общения. Они изменчивы и противоречивы, как и все общее облако распределенного языка.

В поведении младенцев сначала вообще трудно различить что-то помимо физиологических реакций, которые запрограммированы генетически. Но в результате взаимодействия, прежде всего с матерью, но также с окружением, у них появляются зеркальные реакции. Мать, во-первых, играет свою роль, а во-вторых — имитирует ребенка. Соответственно, ребенок в ответ играет свою роль и имитирует мать. И получаются две взаимно «зеркальные» имитации. Благодаря связи и закреплению этих имитаций ребенок научается действовать, как другой. Он начинает понимать другого, использовать ресурсы голоса, жестов и прочих действий. В конечном счете формируется совместный репертуар средств общения, а с ним и общий язык. Этот маленький язык для двоих за счет новых туров оязыкования пересекается с другими языками. Формируются новые языки и так *ad infinitum*. Этот процесс проходит множество туров и этапов на протяжении нескольких месяцев. Ребенок преодолевает несколько порогов (*thresholds*), а точнее, растянутых во времени каскадов изменений — соматических, психических, поведенческих, вербальных. И каждый такой каскад позволяет обрести

¹ См. об этом термине ниже.

еще один новый язык или языки. Так что точно нельзя сказать, в какой момент ребенок начинает говорить и мыслить. В своем стремительном развитии маленький человечек накапливает навыки общения, усваивает один за другим все новые «языки» и добавляет их друг к другу. Это растянутый процесс, а не одномоментное и окончательное заучивание четких инструкций со словарем, грамматикой и прочими лингвистическими конструкциями.

Что значит говорить? Осмысленное взаимодействие с матерью начинается гораздо раньше начального «говорения». Произносить какие-то фразы получается позже. И только спустя время, в три года или в девять лет, наконец появляется субъект, который в состоянии пользоваться великим и могучим русским языком или не менее великим французским и т. д. В промежутке множество порогов, или каскадов трансформации, или каскадов, связанных с переделыванием коммуникативных забот в способности, а способностей в возможности.

Трансформация коммуникативных забот в способности — это новое направление науки (Розов 2021; 2022). Трактовка Розовым глоттогенеза напоминает обретение языковых способностей младенцами. Опять каскады трансформаций и пороги. Появляются некие существа, у которых достаточно развиты способности, позволяющие им общаться. Но это коммуникация еще «немая», без языка и речи — только с выкриками и подвываниями. Когнитивные процессы еще не вполне мышление. Они, видимо, контекстуальны, расплывчаты и неустойчивы. Но налицо очень сильная потребность в эффективном общении в ответ на вызовы выживания.

Речевые практики воспроизводят сохраненные в памяти следы-эпизоды произошедших событий, а также навыки-алгоритмы деятельности. Первые фиксируют в памяти коммуникативные процессы и их эпизоды, вторые — коммуникативную порождающую систему кодирования. Такое разделение и соединение все более закрепляющихся навыков кодирования и актуальных, здесь и сейчас происходящих процессов кодирования и декодирования пока, к счастью, избыточно, что облегчает осуществление каскадов изменений.

Подобный образ развития человеческой вокализации и мышления в корне противоречит господствующим в нынешней лингвистике схемам. Наши дорогие коллеги ориентированы на изучение языков как если бы они были устойчивыми и четко регламентированными практиками, опирающимися на логичные системы правил и алгоритмов. Такое представление о языке сформировалось в ответ на вызов — формирование больших наций и модернизацию (рационализации, унификации) их повседневных практик, включая коммуникативные. Предельную четкость подобный подход приобрел в учебном «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра в редакции А. Сеше и Ш. Балли — именно в этом учебном, а значит доктринальном и неизбежно догматическом пособии. В своих исследовательских работах и даже оранжерейных рукописях Соссюр был куда гибче. А тут он жестко развел *речь* (*parole*) и *яз* (*langue*), избыточно соединив их в изменчивом облаке живого языкового общения и творчества под именем *langage*.

Понимание и перевод соссюрских терминов *langue* и *langage* неизменно вызывает трудности. В отечественной традиции *la langue* лингвисты упорно переводят как *язык*, опираясь на заключительную фразу Курса: «Для лингвистики единственным и истинным объектом (*unique et véritable objet*) является *la langue*, рассмотренный в самом себе и для себя (*la langue envisagée en elle-même et pour elle-même*)» (Saussure 1971, p. 374). Что же, им привычно уже называть языком реконструируемые ими системы правил. Но как быть с живым языком всех нас? Для его обозначения профессиональные (доктринальные, структурные, нормативные и т.п.) лингвисты используют сбивающие с толку выражения типа «речевой деятельности». Мною предложен прямо противоположный путь: именовать языком как раз живой язык всех нас, а структурные лингвистические построения называть новообразованным словом *яз*, весьма созвучным с парным ему *речь*.

В готовящейся к изданию «оранжерейной рукописи» Соссюра переводчик этого более точного отражающего соссюрскую концепцию текста Д. С. Золотухин предлагает именовать *le langage* словосочетанием *языковой феномен*, что в содержательном отношении достаточно точно. Однако *la langue* он по-прежнему переводит как *язык*, не решаясь идти против устоявшихся профессиональных предпочтений. С этим можно было бы в принципе смириться, когда бы это не мешало читателю понять, что Соссюр фактически говорит о реконструируемых лингвистами нормативных или структурных схемах.

В связи с этим в данной статье я выдвигаю новое предложение — оставить обыденное употребление в русском языке слова *язык* непрофессионалам в их повседневном общении. Лингвистам же именовать языковой феномен или целостное явление языкового общения и мышления термином *языковление* (*linguaging*), а реконструируемую ими его структурную основу — термином *яз*. Терминологические различия между синонимами *le langage* и *la langue* разумно оставить на волю самих французских лингвистов. Для нас же нелишним было бы освежить свои знания университетской латыни и этимологии. Французское слово *langage*, как и каталанское *llenguatge* и кастильское *lenguaje*, итальянское *linguaggio* и португальское *linguagem* произошло из реконструируемого слова вульгарной латыни **linguāticum* от лат. *lingua* (язык) и суффикса *-ātic-*, указывающего на состояние или процесс, вызванные действиями или агентами. Само же слово **linguāticum* и поначалу производные фактически означало манеру или практику говорения, общения.

Получается, что именования языка как коммуникативного феномена и как органа речи в романских языках вкупе с сильно лексически романизованным английским проделало следующее развитие. Метафорический перенос позволил использовать имя органа речи для обозначения всего языкового феномена. Затем возникло слово для обозначения манеры и способов говорения с использованием суффикса *-ātic-*. В английском поначалу были термины-метафоры: германский *tongue* или *tong*, а также романский *langue*. Следом появилась «смешанная» переделка вульгарной латыни сначала в виде макаронического словечка *linguaging*, а затем и полностью германизованного *tonging*.

В последние несколько десятилетий слово *languageing* вошло в науку. Оно используется для концептуализации того, что можно по праву назвать семиогенезом или семиопозисом (Золян 2021). Фактически это почти одно и то же. Прекрасно, что существует такой плюрализм терминологии. Он помогает показать, что речевые акты сохраняют следы прежних коммуникативных взаимодействий.

4. Оязыковление в поисках идей и терминов

Данный раздел уместно начать с истории и характеристики английского слова *languageing*, которое стало своего рода маркой для всего представляемого научного направления. В английском языке это слово звучит вполне естественно и непринужденно ['læŋgwɪdʒɪŋ]. Оно использовались в очень близком к нынешнему значению на протяжении веков — во всяком случае уже с шекспировских времен. Только в последние годы оно приобрело несколько специфических значений. В остальном с незапамятных времен современные понятия оязыковления фактически сливались с крайне размытыми значениями и смыслами слов для языка как особой человеческой способности и связанных с ней практик, например *язык, γλώσσα, lingua, Sprache, taal, мова, язык, jazyk* и т.д. Мои примеры и лингвистический кругозор, по сути, ограничены индоевропейскими языками, однако можно вполне уверенно предположить, что ситуация расплывчатой полисемии слов для языка является универсальной чертой древнейших представлений о языке и их вербализаций, которые в основном сохранились и в последующем.

Слову *languageing* посвящена отдельная статья в Оксфордском словаре английского языка (OED)². В ней перечислены ранние употребления с 1702 года. Однако педагог Ричард Малкастер использует его куда раньше в книге о воспитании детей (Mulcaster 1582), а поэт Ричард Лавлес пишет в поэме «Саранча» (*Lucusta*) о «наилучшем оязыковлении этого повествования» (*best languageing this story*) в 1649 году.

Особенно интересен пример Малкастера, вкладе которого в английскую педагогику ренессансной поры и о его книге охарактеризовал Уильям Нельсон в статье о тюдоровских грамматических школах (Nelson 1952). В своем сочинении Малкастер употребил следующие слова *learning* 66 раз и *schooling* 2 раза; *writing* 19 раз и *penning* 11 раз; *speaking* 5 раз и *talking* 1 раз; *reading* 2 раза и *translating* 2 раза; *languageing* (в написании *lāguaging*) всего 1 раз. Он ни разу не использует слова *tonging*, хотя сам нередко вспоминает об английском и иностранных языках (*english and foren tungs*).

Как бы то ни было, слово *learning* стало все чаще употребляться английскими лингвистами во второй половине прошлого века — например, известным языковедом и педагогом Питером Даути (Peter Dougherty), который в близком смысле использовал также выражение *language*

² В том же словаре *tonging* зафиксирован с 1584 года.

*in use*³. Он подчеркивал: «Однако, если верно, что язык опосредует культурные ценности, то деятельность оязыковления (the activity of languaging) является точкой (*point*, то есть фактически интерфейсом. — М. И.), в которой внутренний мир личностного конструкта (personal construct) встречается с внешним миром» (Doughty 1972, p. 25). Очень важно, что Даути был в числе первых, которые стали противопоставлять язык омертвленный и живой: «В этой статье я хочу подойти ко всему вопросу преподавания родного языка с точки зрения того, что я называю “языком для жизни” (language for living), то есть способа, которым люди используют язык, чтобы оставаться людьми, поддерживать свою жизнь в этом мире. Это тот способ использования языка, который мы можем назвать “естественным”. Ему противостоит способ использования, который доминирует в формальном образовательном контексте, — “язык для изучения” (language for learning). Этот способ явно связан с явной передачей содержания формальных знаний как самоцели и, следовательно, неестественен, поскольку это не то, что мы делаем в свободной ситуации нашего взаимодействия с миром (engagement with the world), ситуации, в которой мы изначально изучаем язык и поддерживаем его” (Doughty 1979, p. 62). В конечном счете Даути настаивает: «С точки зрения этой теории изучения и использования языка, он (ученик. — М. И.) предстает как *обладающее врожденной языковой способностью животное* (an innately competent languaging animal) (курсив мой. — М. И.), которое выучило свой язык и научилось использовать его в свободных ситуациях своей естественной среды обитания (Ibid., p. 68).

Примерно в это же время за океаном чилийский биолог Умберто Матурана использовал придуманный им инфинитив *lenguaiear* («язычить», использовать язык), еще больше (в сравнении с *lenguaje*) акцентировав процессуальный смысл термина. Сам Матурана определил слово *lenguaiear* так: «Язычить: неологизм, обозначающий акт быть (al acto de estar) в языке, не ассоциируя этот акт с речью, как это было бы при использовании слова ‘говорить’ (hablar)» (Maturana 1989, p. 78). В одной из первых публикаций (возможно, самой первой, где этот неологизм использовался) он со своим соавтором Сюзанной Блох пояснял: «Наше существование происходит внутри язычить (*lenguaiear*), и пока мы живем в язычить, мы можем различать себя в рефлексии и отсюда использовать язык (*lenguaje*) как инструмент, создавая его в качестве отправной точки или экзистенциальной основы для дальнейших рекурсий в поведенческих координатах» (Maturana, Bloch 1985, p. 245). За счет своей языковой новации Матурана акцентировал деятельностьную составляющую языка и речи, но прежде всего эволюционно приобретенную человеческую способность вербально общаться и вытекающие из этого практические возможности.

³ Кстати, похожую формулу *language in action* использовал известный канадский, а потом американский ученый и политик Самуэль Хайакава еще в 1939 году в названии книги, затем переизданной и расширенной (Hayakawa 1941). В еще более позднем издании он расширил свою формулу — *language in thought and action* (Hayakawa 1949).

Слово *languajejar* сохраняет все особенности глагольной формы инфинитива, но при этом часто снабжается определенным артиклем *el*. Тем самым его исходная и спонтанная «глагольность» дополняется грамматически наведенной «именной» функциональностью. Отсутствие определенного артикля зачастую можно объяснять как использование нулевого, однако попадаются и случаи неясной грамматической интерпретации.

Стремление использовать при концептуализации изучаемых явлений и создании терминов глагольные формы вместо именных далеко не случайно. Имена существительные настроены на обозначение предметов и вещей. Даже если обозначаемый объект не вполне «вещен» (облако, заря, радость), обозначение именем существительным добавляет предметности и объектности, в некотором смысле даже объективности. Совсем другое дело — глагол. Он не именует, а выражает и даже скорее отражает характеристики процессов, а не вещей. Именованье процессов, втискивание их в рамки имен ведет к реификации или «овеществлению». Такая номинализация чревата существенными трудностями и даже может закончиться мыслительным просчетом. Мы начнем, например, считать дискретным предметом чью-то жизнь. Можно сделать ее предметом разбирательства в суде. Тогда ничего не стоит кого-то лишить жизни, как шляпы или ботинок, а не убить или погубить.

Наш выдающийся лингвист А. В. Кравченко данный мыслительный просчет именует реификационным. Более того, он справедливо считает, что этот просчет не только корежит и искажает обыденное мышление, но и деформирует лингвистическое мышление за счет господства в нынешнем языкознании реификационной доктрины — «взгляда на язык как на нечто внешнее по отношению к людям как мыслящим деятелям, как вещь или инструмент (код), используемый для передачи мысли (тоже «вещи». — М. И.) из одной головы в другую» (Kravchenko 2016, p. 103).

И язык, и речь именуются с помощью существительных. Словесная форма *оязыковление* добавляет важный оттенок процессуальности, но оно остается существительным причем даже не отглагольным. В этом отношении *languageing* куда адекватнее. Не вполне ясен, однако, грамматический статус этой инговой формы. Это может быть и герундий, и отглагольное существительное, и причастие настоящее времени. Для интерпретации нужен синтаксический анализ, а не только трактовка самой инговой формы.

Инфинитив типа *languajejar* еще удачнее для концептуализации процессов, чем причастия или отглагольные существительные. Однако примеры буквально единичны. Нужны смелость и готовность не только использовать непривычные слова, но и строить крайне необычные, кажущиеся неправильными выражения, фразы и даже целые пассажи. Такой смелостью обладал Мартин Хайдеггер. Его знаменитый труд назван в русском переводе «Бытие и время», хотя точнее было бы «Быть и время». Надо признать, что замена слов *бытие*, или *экзистенция* (это

слово Хайдеггер также использует как отдельный термин), на слово *быть* было бы яркой находкой. Слово *быть* звучит как существительное женского рода, но при этом остается глагольным инфинитивом. Хайдеггер даже создал целый набор терминов на основе этого слова: *Dasein*, *In-der-Welt-sein*, *Sein-zum-Tode*, *Mitsein* и т. п.

К сожалению, Хайдеггер не сумел найти замену слову *die Sprache*, 'язык'. Его замена на *Sprechen* не очевидна — тем более в сравнении с *Sein*. Но зато он дал блестящие определения языка, разъяснения, что это такое, а чаще — как это бывает. Самое удачное, на мой взгляд, по-немецки звучит так: *Sprache ist lichtend-verbergende Ankunft des Seins selbst*. Перевести не просто. Выдающийся философ и лингвист В. В. Бибихин передал так: *Язык есть просветляюще-утаивающее явление самого Бытия*. Все прекрасно. Поменял бы форму одного лишь слова: *Язык есть просветляюще-утаивающее явление самой Быти*. Тут язык называется явлением, точнее неоконченным появлением. А дальше это постепенное появление оказывается одновременно утаивающим нечто, но просветляющим образом. Получается — просветляюще утаивающее появление самой Быти. Можно иначе и уже с пояснением: именно утаивающая недосказанность появления и проявления языка просветляет такую же недосказанность быти (о некоторых языковых играх Хайдеггера см.: (Ilyin 2024)).

5. Основные парадигмы оязыковлени

Фундаментальной основой для формирования прагматически и процессуально ориентированного подхода к языку и коммуникации можно считать концепции особых человеческих способностей. В их числе учение Локка о человеческом разумении и о трех ветвях познания, включая семиотику как работу со знаками. Оно было переосмыслено и развито в трех кантовских критиках трех когнитивных способностей. Эти идеи были удачно уточнены Фридрихом Шиллером в его представлениях о трех ключевых побуждениях (Trieben) людей. В том же русле Вильгельм Гумбольдт подчеркивал деятельность сторону языка, его связь с мышлением и жизненной практикой. Наконец, важную роль сыграла разработка прагматизма Чарльзом Пирсом, Уильямом Джеймсом, Джоном Дьюи и Фердинандом Шиллером.

Непосредственным предвосхищением расширенного деятельностного подхода к языку стали идеи языковых игр (*Sprachspiel*, *language-game*) и жизненных форм (*Lebensform*, *form of life*) Людвиг Витгенштейна, а также его концепция семейного сходства (*Familienähnlichkeit*, *family resemblance*), что позволяло связать вербальное общение с совместной практикой и мышлением. Столь же важными, пожалуй, стали и представления Джона Остина о повседневном языке (*ordinary language*), а также разработанные им приемы установления связи между высказываниями, их ситуативным смыслом и прагматикой соответствующих действий. На этой основе во второй половине прошлого века началось формирование частных научных парадигм изучения оязыковлени.

Кроме того, в должной мере еще только предстоит оценить такие инициативы, как структуралистский ревизионизм русских формалистов, пражского и копенгагенского лингвистического кружков, прежде всего М. М. Бахтина, Л. Ельмслева и Р. О. Jakobsona. Особенно важными представляются исследования Jakobsonом функциональной стороны языка, а также формирование в их развитие метапрагматики его учеником и последователем М. Сильверстайном. Не менее значителен вклад выдающегося бельгийского лингвиста Э. Бюиссанса (Buysens 1943; Бюиссанс 2016), еще одного ярчайшего наряду с Ельмсловом функционального ревизиониста сосюррианского структурализма. Он фактически ввел в науку понятие дискурса, ставшее отправным моментом развития дискурсного анализа в его различных модификациях и направлениях. Наконец, важным источником вдохновения и идей послужило творчество американского философа У. Селларса (Sellars 1956; 1962; 1967), чье соединение традиций прагматизма с аналитической философией и некоторыми идеями логического позитивизма открыло новые возможности понимания языка и оязыковления (Cowley 2017; 2019; 2024; Seiberth 2021).

По существу, все эти начинания так или иначе были связаны с неудовлетворенностью лингвистической ортодоксией, предполагавшей, что языки — это отдельные явления, своего рода «вещи», которые можно «обнаружить» у пользователей, «обладающих» ими как собственностью, расположить эти «предметы» на карте, «выучить» и «преподать» ученикам, «использовать» их и проводить с ними прочие манипуляции. Считалось и до сих пор считается, будто язык всего лишь инструмент, только код, с помощью которого совершенно отдельная от него мысль переносится из одного отдельного «контейнера» в другой, из одного человеческого сознания в другое. Несогласие с подобной онтологией, если она заслуживает такого названия, как раз и стимулировало поиски иных способов понимания языка и работы с ним.

Ключевой фигурой и участником наметившихся в науке сдвигов стал Тамаш Шебек, натурализовавшийся в США как Томас Себеок, — один из создателей расширенной и одновременно интегративной мультидисциплинарной семиотики, прежде всего биосемиотики, и столь же расширенного и интегративного подхода к языку и языкознанию. Себеок создал два продвигавших эти новации журнала «Языковые науки» (Language Sciences) в 1968 году и «Семиотика» (Semiotica) в 1969 году. Обратите внимание на названия журналов. Науки о языке стоят во множественном числе, что не только подчеркивает междисциплинарность, но также укорененность самого языка в человеческой психике и практиках. Название семиотического журнала также транслитерирует общенаучный эллинизированный термин *σημειωτική* латиницей. Тем самым подчеркивается всеобщий, а значит интегрирующий характер начинания, а самой семиотике придается трансдисциплинарный характер. Этот важный символический жест был воспринят и повторен уже самым первым семиотическим изданием — «Трудами по знаковым системам», который также вынес на обложку титул *Σημειωτική*.

Другим ядром новаций, послуживших формированию расширенного подхода к языковым феноменам, включая оязыковление, стал функционализм. Важный вклад внесли уже упомянутый Р.О. Якобсон, а также А. Мартине (Martinet 1969; 1975; 1989) с его идеей двойного членения и датские функционалисты с их вниманием к прагматике и дискурсу (Dik 1968; 1980; 1987; 1989; 1997; Harder 1995; 2010). Однако наибольшую активность и продуктивность функционалистские начинания приобрели в Англии. Своего рода персонализированным фокусом этих усилий стал Майкл Халлидей, успешно сотрудничавший с уже упоминавшийся Питером Даути и также использовавший термин «оязыковление». С одной стороны, он развивал функционалистские идеи своего учителя Джона Фёрса (Firth), а с другой — стал интеллектуальным центром для более молодых коллег. Образовалось два пересекающихся круга его последователей. Один был более академическим, связанным с разработкой халлидеевской функционально-системной грамматики, а затем и более широкой функционально-системной лингвистики. Тут термин *система* использовался для последовательной замены и вытеснения термина *структура* в ходе радикальной ревизии структурализма. Другой круг включал социально ангажированных молодых интеллектуалов поколения 1968 года, которые связывали свои научные поиски с активной социальной критикой и сформировали так называемую критическую лингвистику (*critical linguistics*). Многие входили в оба круга, причем Г. Кресс и Б. Ходж сформировали на основе халлидеевской идеи социальной семиотики как измерения человеческого общения еще и научное направление социальной семиотики, а затем и мультимодального анализа (*multimodal analysis*) коммуникации.

Как бы то ни было, намеченный Халлидеем подход был не просто адекватным, но крайне благоприятным для того, чтобы послужить теоретико-методологической рамкой для сотрудничества его самого с Даути, а затем постепенного проникновения подхода в научный дискурс коллег. Правда, до определенного времени использование слова *language* не влекло его терминологизации вопреки склонности самого М.А.К. Халлидея к созданию новых терминов типа *register*, *field*, *tenor*, *mode* относительно дискурса или *unit* и *class*, а также *system* и *function* плюс *metafunction* относительно языка.

В своем стремлении освободиться от ограничений структурализма Халлидей перенес внимание на более гибкое и широкое понятие системы. Он также стал иначе — значительно шире — трактовать функции и ввел понятие метафункций. Важным было и более гибкое использование предложенного Хомским различия глубинных и поверхностных структур, да еще и по отношению к гораздо более широкой фактуре. Возникшая в результате системная функциональная грамматика, а потом и лингвистика открыли новые исследовательские возможности.

Но этого было недостаточно для адекватного и достаточно полного перехода от сфокусированных на отдельных лингвистических объектах

исследований к изучению действительной связанности процессов, в которые включены и в которых разлиты моменты вербального общения. Халлидей продолжал упорно настаивать на вполне автономном лингвистическом характере своих занятий, а не на их человековедческом, антропологическом значении и предназначении, тем более не на общенаучном характере.

Важным шагом стала идея Теренса Дикона об интенциональности как зеркальной дополнительности интенциональности, понятий, однако она все еще остается резервом для исследователей оязыковления. Равным образом сказывается невольная самозамкнутость когнитивных исследований. Начинания Э. Рош, а также Дж. Лакоффа и М. Джонсона не преодолели рамок строго когнитивных прототипов и метафор без их расширения и перевода в языковые, политические, социальные и деятельностные версии. Сдержанность и концентрация на конкретных, но не амбициозных исследовательских проектах ведет к тому, что проработка потенциала метафор и метафоризации сравнительно поверхностно затронула проблематику перевода даже в рамках переязыкования (*translanguaging*). Также изучение фреймов фокусируется на специфических казусах и лишь эпизодически связывается с изучением длительных и крупных процессов.

Радикальное общенаучное расширение семиотики Томасом Себеком и создание им биосемиотики оставались поначалу практически незамеченными лингвистами. Исключением стала книга Ю.С. Степанова (1971), в которой он посвятил целый раздел понятию биосемиотики. Удивительным образом деятельность Тартуско-московской семиотической школы, ориентированной на семиотику культуры, начала постепенно ослабевать, но взамен мощно развернулась Тартуско-копенгагенская школа, ориентированная на освоение проблематики биосемиотики.

В этой ситуации некоторым лингвистам соблазнительной показалась многообещающая экологическая проблематика. Возникло даже целое направление эколлингвистики, которая стремилась «изучать взаимодействие между данным языком и его окружением» в самом широком смысле (Иванова 2007, с. 34). Данное направление связано с изучением роли языка в жизнеобеспечивающих взаимодействиях людей, других видов и физической среды. В то же время «в эколлингвистике выделяют два направления: “экологическая лингвистика”, которая “отталкивается” от экологии и метафорически переносит на язык и языкознание экологические термины, принципы и методы исследования, изучает связь и воздействие языков друг на друга, и “языковая экология”, которая рассматривает выражение в языке экологических тем, опираясь на языкознание и его методы» (Иванова 2012, с. 259).

Поначалу на передний план вышла кажущаяся социально значимой цель — показать, как лингвистика может быть использована для решения ключевых экологических проблем, от изменения климата и потери биоразнообразия до экологической несправедливости. Тут осо-

бенно активными были Э. Хауген (Haugen 1972) и близкие к нему исследователи. Другая, более основательная цель эколингвистики — разработать лингвистические концепции, которые рассматривают человека не только как часть общества, но и как часть больших экосистем, от которых зависит жизнь. На ее основе постепенно сложилась новая версия эколингвистики с упором на естественное развитие языковых практик и на их трактовку в духе оязыковления. В этом важную роль сыграл журнал *Language Sciences* (см. его обзор его спецвыпуска: (Суховерхов 2014)).

6. Революция оязыковления

На наших глазах происходит революция в лингвистике. Она связана с перенесением внимания на феномен оязыковления. Все больше внимания уделяется мультимодальному общению как целостному единству всех практик и процессов общения с фокусировкой на вокализацию и вербализацию. Происходит переход от закрытого и догматического механицистского структурализма к открытому и критическому эволюционному прагматизму в трактовке человеческого общения вообще, а вербального в особенности.

Один из главных протагонистов «революции оязыковления» Стивен Коули резюмирует: «...за последние 60 лет лингвистика ворвалась в академию. Сначала, бросая вызов кантовской имманентности, Селларс [напр., Sellars 1960; 1967] проследил явные и неявные суждения до языка. Позже Матурана [напр., 1988] развил мнение, что человеческие наблюдатели конструируют миры, опираясь на лингвистику. В то время как все живые существа зависят от структурных связей, человеческие миры связывают лингвистику с праксисом и консенсуальными областями. В последнее время лингвистика стала объектом внимания общих и прикладных лингвистов, изучающих, в частности, партикулярность [Becker 1991], смыслообразование [Swain 2006] или творчество в поэзии [Lee, in press] и транслингвистику [Li 2018]. Теоретически человеческая диалогичность [Linell 2009] распределяет смысл в пространстве и времени. Отрицание привилегированного положения языка лежит в основе энактивной лингвистики [Bottineau 2017; Bondi 2017] и радикальной эколингвистики [Steffensen, Cowley 2021]» (Cowley 2021, p. 2).

Исследования оязыковления и использования языка переместились с периферии лингвистики, когнитивных исследований, семиотики, образования и преподавания языков к ядру соответствующих дисциплин, а теперь проникают в самое сердце наук о жизни и гуманитарных наук, обещая стать их интеграторами. Важнейшую роль в этом играют такие начинания, как энактивизм и в целом 4E-познание (4E cognition) и практики (к ним Поль Тибо добавляет *9Es of languaging* (Thibault 2020)), распределенный язык и сознание (оязыковление и мышление), расширенная экология человека и т. д.

Исследование выполнено в рамках госзадания ИНИОН РАН.

Список литературы

Бюиссанс, Э., 2016. Абстрактное и конкретное в лингвистических фактах: речь-дискурс-язык. *Политическая наука*, 3, с. 209–216. [Buysens, E., 2016. On the abstract and the concrete in linguistic facts: Speech – discourse – language. *Political science (RU)*, 3, pp. 209–216 (in Russ.)] EDN: XCGBPH.

Гибсон, Дж., 1988. *Экологический подход к зрительному восприятию*. М. [Gibson, J.J., 1988. *Ekologicheskii podkhod k zritel'nomu vospriyatiyu* [The Ecological Approach to Visual Perception]. Moscow, p. 464 (in Russ.)].

Золян, С.Т., 2021. Семиопозис: становление значения в молекулярной генетике и биосемиотике. *Критика и семиотика*, 1, с. 57–77. [Zolyan, S.T., 2021. Semiopoesis: formation of meaning in molecular genetics and biosemiotics. *Critique and Semiotics*, 1, pp. 57–77 (in Russ.)] EDN: MAEGCO, <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2021-1-57-77>.

Золян, С.Т., 2023. Откуда же метод берется? О самодостаточности семиотических объектов. *Слово.ру: балтийский акцент*, 14 (4), с. 137–152. [Zolyan, S.T., 2023. Where does the method come from? On the self-sufficiency of semiotic objects. *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (4), pp. 137–152 (in Russ.)] EDN: OOOIQN, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-8>.

Иванова, Е.В., 2007. Эколингвистика и роль метафоры при описании экологических проблем. *Вестник Челябинского государственного университета*, 13, с. 34–38. [Ivanova, E.V., 2007. Ecolinguistics and the role of metaphor in describing environmental problems. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 13, pp. 34–38 (in Russ.)] EDN: NBNMTL.

Иванова, Е.В., 2012. Экологическое сознание и эколингвистика. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 7, с. 252–262. [Ivanova, E.V., 2012. Ecological consciousness and ecolinguistics. *Vestnik of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*, 7, pp. 252–262 (in Russ.)] EDN: NPJGVM.

Ильин, М.В., 2023. Модели свертывания и развертывания во всеобщей эволюции мироздания. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 3 (4). М., с. 174–209. [Ilyin, M.V., 2023. Models of folding and unfolding in the general evolution of the universe. In: *METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies*, 3 (4), pp. 174–209 (in Russ.)] EDN: BYLHDG, <https://doi.org/10.31249/metod/2023.04.10>.

Розов, Н.С., 2021. Происхождение языка: коэволюция коммуникативных забот и знаковых структур. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин*, 1 (2), с. 115–146. [Rozov, N., 2021. The origin of language: co-evolution of communication concerns and sign structures. In: *METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies*, 1 (2), pp. 115–146 (in Russ.)] EDN: SUYYOQ, <https://doi.org/10.31249/metodannual/2021.11.08>.

Розов, Н.С., 2022. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали речевые и когнитивные способности. Новосибирск. [Rozov, N., 2022. *Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti* [The origin of language and consciousness. How social orders and communicative concerns generated speech and cognitive abilities]. Novosibirsk (in Russ.)] EDN: TVUIDI.

Степанов, Ю.С., 1971. Семиотика. М. [Stepanov, Yu.S., 1971. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow (in Russ.)].

Суховерхов, А. В., 2014. Современные тенденции в развитии эколлингвистики. *Язык и культура*, 3 (27), с. 166–175. [Sukhoverkhov, A. V., 2014. Current trends in the development of ecolinguistics. *Language and Culture*, 3 (27), pp. 166–175 (in Russ.)] EDN: STQRAT.

Циммерлинг, А. В., 2023. Конкретно: синтактика без семиотики. *Слово.ру: балтийский акцент*, 14 (3), с. 125–153. [Zimmerling, A. V., 2023. Really: syntactics without semiotics? *Slovo. ru: Baltic accent*, 14 (3), pp. 125–153 (in Russ.)] EDN: VNJAWQ, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-3-9>.

Циммерлинг, А. В., 2024. Грамматика. Лингвистика. Язык (ответ дискуссантам). *Слово.ру: балтийский акцент*, 15 (1), с. 187–194. [Zimmerling, A. V., 2024. Grammar. Linguistics. Language. *Slovo. ru: Baltic accent*, 15 (1), pp. 187–194 (in Russ.)] EDN: GHZEIW, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2024-1-11>.

Чебанов, С. В., 2023. Нужна ли часть вне целого? (К статье А. В. Циммерлинга «Конкретно: синтактика без семиотики»). *Слово.ру: балтийский акцент*, 14 (4), с. 153–169. [Chebanov, S. V., 2023. A part outside the whole? (To Anton Zimmerling's article "Really: syntactics without semiotics?"). *Slovo.ru: Baltic accent*, 14 (4), pp. 153–169 (in Russ.)] EDN: EBYOKU, <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-9>.

Buysens, E., 1943. *Les langues et le discours*. Bruxelles.

Cowley, S. J., 2017. Entrenchment: A view from radical embodied cognitive science. In: Schmid, H. J., ed. *Entrenchment and the Psychology of Language Learning: How we Reorganize and Adapt Linguistic Knowledge*. Berlin, pp. 409–431, <https://doi.org/10.1037/15969-019>.

Cowley, S. J., 2019. The return of languaging: Toward a new ecolinguistics. *Chinese Semiotic Studies*, 15 (4), pp. 483–512, <https://doi.org/10.1515/css-2019-0027>.

Cowley, S., 2021. Meaning comes first: languaging and biosemiotics. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15 (2), pp. 1–18, <https://doi.org/10.4396/2021200>.

Cowley, S. J., 2024. Languaging and practices: Intimations of a singular ontology. *Linguistic Frontiers*, 7 (1), pp. 39–53, <https://doi.org/10.2478/lf-2024-0007>.

Demuro, E. and Gurney, L., 2021. Languages/languaging as world-making: the ontological bases of language. *Language Sciences*, 83, 101307, <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2020.101307>.

Dik, S. C., 1968. *Coordination: Its implications for the theory of general linguistics*. Amsterdam.

Dik, S. C., 1980. Seventeen sentences: Basic principles and application of functional grammar. *Current approaches to syntax*. Brill, pp. 45–75.

Dik, S. C., 1987. Some principles of functional grammar. *Functionalism in linguistics*. Vol. 20, pp. 81–100.

Dik, S. C., 1989. *The theory of functional grammar. Vol. 1: The structure of the clause*. Berlin; New York.

Dik, S. C., 1997. *The theory of functional grammar. Vol. 2: Complex and derived constructions*. Berlin; New York.

Doughty, P., 1972. Pupils also use language to live: A defence of a linguistic approach to language study for the classroom. *English in Education*, 6 (1), pp. 18–28.

Doughty, P., 1979. Language for living: A principled approach to teaching mother tongue. *McGill Journal of Education / Revue des sciences de l'éducation de McGill*, 14 (1), pp. 61–69.

Harder, P., 1995. *Functional semantics: theory of meaning, structure and tense in English*. Berlin; New York.

Harder, P., 2010. *Meaning in mind and society: A functional contribution to the social turn in cognitive linguistics*. Berlin.

- Haugen, E., 1972. *The ecology of language: Language science and national development*. Stanford.
- Hayakawa, S.I., 1941. *Language in action*. Camden.
- Hayakawa, S.I., 1949. *Language in thought and action*. New York.
- Ilyin, M., 2024. Doing language (s) and other communicative practices. *Linguistic Frontiers*, 7 (1), pp. 23–31, <https://doi.org/10.2478/lf-2024-0005>.
- Kravchenko, A.V., 2016. Two views on language ecology and ecolinguistics. *Language Sciences*, 54, pp. 102–113, <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2015.12.002>.
- Martinet, A., 1969. *Langue et fonction*. Paris.
- Martinet, A., 1975. *Studies in functional syntax*. München.
- Martinet, A., 1989. *Fonction et dynamique des langues*. Paris.
- Maturana, H. and Bloch, S., 1985. *Biología del emocionar y Alba Emoting: Respiración y emoción, bailando juntos. Entrelazando Lenguaje y emoción*. Santiago de Chile.
- Maturana, H., 1989. Lenguaje y realidad: el origen de lo humano. *Archivos de Biología y Medicina Experimentales*, 22 (2), pp. 77–81.
- Mulcaster, R., 1582. *The first part of the elementarie vvich entreateth chfeleie of the right writing of our English tung*. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A07881.0001.001?view=toc> [Accessed 01.03.2025].
- Nelson, W., 1952. The teaching of English in Tudor grammar schools William Nelson. *Studies in Philology*, 49 (2), pp. 119–143.
- Saussure, F., 1971. *Cours de linguistique générale*. Paris.
- Seiberth, L.C., 2021. The role of languagings in Sellars' theory of experience. *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 15 (2), pp. 19–48, <https://doi.org/10.4396/2021205>.
- Sellars, W., 1956. Empiricism and the Philosophy of Mind. *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, 1, pp. 253–329.
- Sellars, W., 1962. Philosophy and the scientific image of man. *Frontiers of science and philosophy*, 1, pp. 35–78.
- Sellars, W., 1967. Some remarks on Kant's theory of experience. *Journal of Philosophy*, 64, pp. 633–647.
- Thibault, P.J., 2020. *Distributed languaging, affective dynamics, and the human ecology*. Vol. 1: *The sense-making body*. Vol. 2: *Co-articulating self and world*. Routledge.

Об авторе

Михаил Васильевич Ильин, доктор политических наук, главный научный сотрудник, ИНИОН РАН; ординарный профессор, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

ORCID ID: 0000-0001-6278-374X

E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

Для цитирования:

Ильин М.В. Прагматика семиозиса и оязыковления // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, №3. С. 7–29. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-1.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

THE PRAGMATICS OF SEMIOSIS AND LINGUISATION

Mikhail V. Ilyin

Centre for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information on Social Sciences,
 Russian Academy of Sciences,
 51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117418, Russia
 HSE University,
 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia
 Submitted on 30.04.2025
 Accepted on 16.05.2025
 doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-1

A hermeneutical interpretation of Goethe's Faust's attempt to interpret the meaning of the Gospel word λόγος, the first three verses of the Gospel of John, and the first three verses of the book of Genesis is proposed. The analysis of these hermeneutical constructions makes it possible to relate them – as well as the phenomenon of genesis itself – to the author's model of recursion with inversive switching. The next step is to use this model to interpret and understand the pragmatic moment as the active beginning of meaning-making and communication. The radical expansion of pragmatics extends it beyond the bounds of semiotics proper, enabling it to be conceived as a virtually boundless sphere of human action – or more broadly, of universal agency. In this capacity, the expanding sphere of effective meaning-making is no longer reducible to practices and analytical rules of working with discrete signs. This requires their methodological and terminological distinction. Accordingly, the study of extended semiosis becomes a matter of emerging semiotics, and the principles and rules of combining discrete signs into complete statements become familiar semiotics. A similar need has emerged in contemporary linguistics: the need to distinguish between the expanded use of linguistic capacities for pragmatically motivated communication – or languaging – and the more narrowly defined traditional models of text and utterance construction based on normative lexicons and formal grammars. The article contains a sketch of the main approaches to the study of verbalisation and the formation of the corresponding scientific traditions.

Keywords: word, λόγος, verbum, case, πράγμα, āctus, acting forces, agency, pragmatics, semiotics, semiotics, sign systems, possibilities of communication, olingualisation, relingualisation

The article was prepared as part of the state assignment of INION RAS.

The author

Dr. Mikhail V. Ilyin, Professor, Principal Research Fellow at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS); Professor, HSE University, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0001-6278-374X

E-mail: mikhaililyin48@gmail.com

To cite this article:

Ilyin, M. V., 2025, The pragmatics of semiosis and linguisation, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 3, pp. 7 – 29. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-1.

